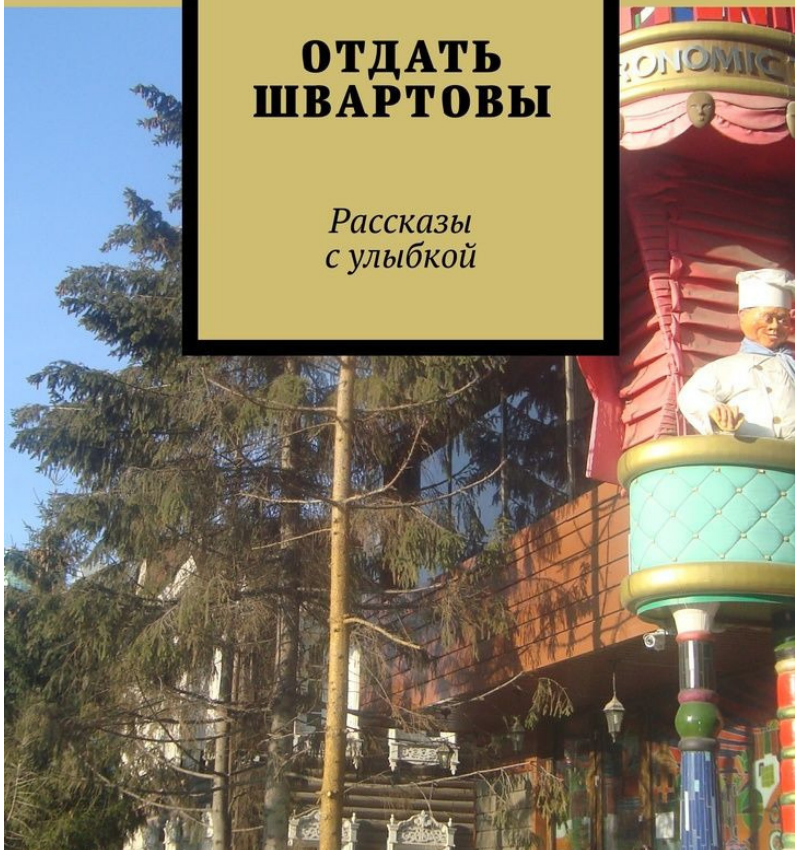

18+

Игорь Маранин

ОТДАТЬ ШВАРТОВЫ

*Рассказы
с улыбкой*

Игорь Маранин

Отдать швартовы.

Рассказы с улыбкой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390817
ISBN 9785448530708*

Аннотация

Ни я, ни вы не знаем того языка, на котором судьба торгуется на базаре с нашим будущим. Может быть, его слышали моряки, что ходят на своих кораблях у обрыва миров или невозмутимые купцы с востока, торгующие по соседству ароматными пряностями, но только не мы. И когда у Судьбы недостаточно медных монет, случается то, чего никто из нас не ждёт. Например, мы становимся главными героями рассказов.

Содержание

ОТДАТЬ ШВАРТОВЫ	5
СИБИРСКИЙ ЛЕСНОЙ ЧАЙ	14
1	14
2	16
ДЕЛО О КРАСНОМ НОСЕ	24
НА ЧУЖОЙ ПЛАТОК	29
ТОЛЬКО ДО «САДА МИЧУРИНЦЕВ»!	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Отдать швартовы Рассказы с улыбкой

Игорь Маранин

© Игорь Маранин, 2017

ISBN 978-5-4485-3070-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТДАТЬ ШВАРТОВЫ

Домики Нахаловки лепились так близко друг к другу, что можно было пройти от Сухарки до Чернышевского спуска, перепрыгивая с одной крыши на другую. Несмотря на тесноту, жители самовольно застроенной фавеллы умудрялись вести хозяйство, высаживать огороды и держать кур, коз и даже свиней. В общем...

...жили-были старик со старухой...

Старик – на вид худенький, морщинистый и седой. Слово мальчика-с-пальчика засушили на солнце и обмакнули головой в муку. Жена смотрелась выше его на целую голову, носила цветастые платья, а когда платья приходили в негодность – шила из них мужу рубашки.

До пенсии она работала уборщицей в речном порту: широкую улицу Владимировскую старуха называла «фарватером», а об умершем говорила «отдал швартовы». Детей у них не было – был старенький радиоприёмник, такой же хриплый и кашляющий как хозяин и сто тридцать лет воспоминаний на двоих. Ещё был сибирский кот, несколько кур в сарайке и свинья. Её-то...

...старик и зарезал в один из коротких и тощих октябрь-

ских дней...

Свинья отдала швартовы безропотно, как буддист. Она всю жизнь прожила в крохотной сарайке и не подозревала об изломанных улочках, спускающихся к реке, мягкой зелёной траве, буйно растущей вдоль заборов и о том, что есть на свете существа, умеющие летать над головами и крышами.

Иногда с ней беседовал хозяин, вернувшись в подпитии от сторожа лодочной базы. Красноречием он не отличался и на слова был скуп.

– Эх, свинья, – печально вздыхал старик. – Жисть-то того... летит.

Под негромкое хрюканье собеседницы он допивал четушку, и шёл сдаваться жене. Из дома ещё долго доносились голоса: громко матерясь, они спорили о смысле жизни.

Старуха отличалась скупостью иного рода: она копила деньги на чёрный день. Но дни шли всё какие-то серые, недостаточного для траты денег оттенка.

– Может того... – время от времени заводил разговор муж. – Мотоцикл купим? К брату троюродному в деревню съездим?

– Вот дурень! – всплёскивала руками жена. – А чёрный день настанет, лапу сосать будешь?

Наконец, чёрный день настал: дом ограбили и все припрятанные старухой деньги унесли с собой.

Год после ограбления стал едва ли не самым счастливым: ели сытно, справили новую одежду, два раза выбрались в клуб железнодорожников и даже съездили в деревню к троюродному брату. Но затем жена вышла на пенсию и снова затянула пояса: теперь она копила на достойные похороны. Дни опять пошли серые, складываясь стопками листков отрывного календаря в такие же серые годы. Нутром старик чувствовал, что тратить деньги разумнее до смерти, чем после, но подходящих слов не находил и переубедить жену не мог.

В один из хмурых октябрьских дней он появился в сарае с утра, был трезв и держал в руках не бутылку, а остро заточенный нож.

– Эх, свинья, – сочувственно прокашлял Старик. – Жисть-то того... пролетела.

Через мгновение освобожденная душа животного вылетела из туловища и, ничего не понимая, воспарила над крышей сарая. Нестерпимый солнечный свет ослепил её, и, сжавшись в комок от страха, она стала плотной и почти видимой. Поднимая и опуская крылья, через небесную бездну лениво двигалось чёрное существо с блестящим толстым клювом. Отча-

янно завизжав, душа рванулась обратно, в привычный и уютный полумрак сарайки. Старик что-то почувствовал: разделяя тушу, он время от времени поднимал голову и прислушивался. Ему казалось, что под крышей кто-то жалобно хрюкает.

Закончив работу, он подошёл к жене и сообщил:

– Освеживал я. Дай три рубля.

Времена стояли легендарные: колобки по сусекам, правда, уже не оживали, но водка в магазине всё ещё стоила 2 рубля 87 копеек.

Просьба деда была законной, освященной древними традициями и долгими годами совместной жизни. Но, видно, скупость жены перешла всякие границы. Старуха поджала узкие губы и сухо спросила:

– За фарватер в винный собрался?

– Да, – заявил старик, считая себя в полном праве.

– Обойдёшься, – буркнула жена: она твёрдо решила денег на пропой не выдавать.

– Дай три рубля! – ещё не веря в такое коварство, прокаркал дед. В корнях его родового дерева зашевелился пещерный житель, и забитая в сарайке свинья выросла до размеров мамонта, добытого на охоте. Старик оглянулся на крышку подпола, куда спустил разделанную тушу и неожиданно сорвался на фальцет:

– Дай! Три! Рубля!

В ответ старуха...

...молча скрутила фигу и ткнула ею в лицо мужа...

Неторопливо проплыв мимо, она отправилась к подруге, не желая вступать в перепалку. Возле сарайки старухе вдруг показалось, что кто-то за ней следит. То убиенная свинья, колыхаясь невидимым облаком, рассматривала сквозь щели двор. Она не понимала, что делать дальше. Раньше всё казалось таким простым: налили в корыто – ешь, не налили – страдай, а теперь тела не было и есть стало не во что.

Дед в это время беззвучно открывал и закрывал рот, словно проверяя, как работает вставная челюсть. Затем заметался по избе, снедаемый обидой, чуть не свалился в открытый подпол, и, наконец, остановившись у окна, выкрикнул:

– Ах, так?! Ну, возвратишься ты чичас в избу!

В запале он подумал, что бабка направилась во двор до ветру. Притащил из сеней толстую верёвку, влез на табурет и, перебросив бечеву через балку, соорудил петлю. Нет-нет, он вовсе не собирался отдать швартовы в один день со свиньёй! Он вообще не собрался умирать, тем более трезвым. Помимо петли вокруг шеи, верёвка была пропущена под мышками и скрыта пиджаком. Стоя на табурете, дед нетерпеливо ожидал возвращения бабки, но та всё не шла и не шла.

– Шоб ты в очко провалилась! – выругался он. – Три рубля

пожалела. Ну чичас возвернёшься!

В это мгновение...

...скрипнули двери, и раздался шум в сенях...

Поспешно оттолкнув ногой табурет, старик повис на веревке. При внимательном взгляде у зрителя, конечно, возникли бы сомнения в достоверности сцены, но в Нахаловке станиславские не проживали. Там жил народ простой и большей частью малограмотный, и даже на бутылочных этикетках читал только заголовки.

– А-а-а-а-а! – раздался истошный женский крик.

Оказалось, это соседка зашла за какой-то своей надобностью и, увидав повесившегося, завопила от страха.

«Принесла нелёгкая», – чертыхнулся про себя повешенный. Висеть было неудобно – верёвка больно терла подмышки.

Отойдя от первого шока, женщина громко позвала хозяйку.

Не услышав ответа, она хотела уйти, но как на грех заметила таз с мясом. «Бес попутал», – говорила соседка позже. Воровато оглядевшись, она стала запихивать мясо в сумку. Пережитый ли шок тому виной или какая-то особая восприимчивость момента, но когда женщина в очередной раз подняла голову, то увидела свиную харю, наблюдавшую за ней через окно.

– Свят, свят, свят! – в ужасе перекрестилась женщина и, подхватив сумку, бросилась к выходу.

Но не успела добежать до двери, как услышала за спиной хриплый голос.

– Стой, стерва! – сердито сказал повешенный. – А ну положи, где взяла!

Стерва резко остановилась и, не смея повернуть головы, попятилась назад. Шаг, второй, третий... Она двигалась как сомнамбула задом наперёд, пока нога её не потеряла под собой опору, и женщина не рухнула с громким воплем в открытый подпол.

Старуха всё не шла и не шла. Слабые руки старика не в силах были подтянуться и освободить себя. Он то громко звал на помощь, то ругался с соседкой, то тихо матерился, болтаясь из стороны в сторону.

Вернулся с улицы кот, заглянул в открытый подпол, затем обнюхал стариковские ноги, висящие над головой и, убедившись, что в доме с его кошачьей точки зрения всё в порядке, жадно набросился на беспризорное мясо. Спустя целую вечность после очередных воплей послышались шаги и в дом вошел... участковый. В отличие от коренных жителей Нахаловки, привыкших к громким скандалам и разного рода воплям, ему по штату было положено ими интересоваться.

Увидев подвешенного к потолку хозяина, вошедший оторопел.

– Сними! – взмолился старик.

Милиционер заглянул в подпол и обнаружил там женщину сорока с небольшим лет со сломанной ногой. После чего сообщил, что он по этому поводу думает, подробно остановившись на генеалогическом древе старика. Но нож со стола всё-таки взял, табурет поставил и полез обрезать верёвку. Едва это ему удалось, как...

...обессиливший старик рухнул участковому на плечи, а оба они – с опрокинувшегося табурета напрямик в несчастный подпол...

Хлипкая лестница, соединявшая глубокий погреб с домом под тяжестью двух тел, разлетелась в разные стороны. Один из обломков угодил в лоб соседке, отправив её в нокаут.

Когда она очнулась, то обнаружила рядом двух мужчин в недееспособном состоянии. Старик сломал руку, участковый – пару рёбер. Наверху по периметру лаза прохаживался разбуженный кот и что-то недовольно мурлыкал....

...Прошло восемь месяцев и один суд. Старик получил два года условно от государства и двадцать пять рублей от плачущей жены. Она боялась тюрьмы и теперь готова была на финансовые жертвы. Деньги пропили втроём – с участковым и сторожем лодочной базы. Участковый чуть не уто-

нул в Оби и утверждал, что видел под водой свиную морду. Ему, конечно, никто не поверил.

Сама усопшая свинья с каждым месяцем становится всё смелее и смелее. В пасмурные дни она поднимается до самых облаков и путешествует вместе с ними над Нахаловкой. Но дальше улетать пока опасается, возвращаясь на ночь в родной двор. Она часто размышляет, как прекрасен и удивителен этот мир по сравнению с тёмной и грязной сарайкой, в которой провела свою жизнь.

СИБИРСКИЙ ЛЕСНОЙ ЧАЙ

1

Дядю Костю я запомнил высоким нескладным добряком с большой и немного виноватой улыбкой на лице. Есть такие люди, которые боятся доставить неудобство одним своим присутствием. Они искренне переживают, что подставили ногу под чей-нибудь каблук или неудачно стали у обочины, так что машина вынуждена была окатить их грязью из лужи. Они – те самые гвозди, которые Бог вбивает молотком в наш мир, когда мир начинает в очередной раз трещать и разваливаться. Дядю Костю Бог вбил в металлургический завод, прямо в доменную печь. Ничем в своей жизни: ни работой, ни внешностью, ни судьбой, ни временем появления на свет сибирский мастер по ремонту доменных печей не напоминал французского повара Люсьена Оливье, чье имя благодарные потомки присвоили новогоднему салату. Тем не менее, было в их судьбах обстоятельство, сроднившее этих непохожих людей: оба унесли тайну кулинарных рецептов с собой в могилу. Люсьен Оливье – салата, а дядя Костя – сибирского лесного чая. Говорят, что повару-гастарбайтеру Люсьену сулили в России большие деньги за его секрет. Дяде Косте тоже предлагали двести восточных марок! Но оба

они ответили отказом. Помощники Оливье воскресили его блюдо, потому что знали ингредиенты – им оставалось только экспериментировать. Ингредиенты чая дяди Кости стали известны мне недавно, и сейчас я расскажу вам о них, а вы уж экспериментируйте сами.

Жил-да-был в середине шестидесятых годов молодой человек по имени Яша.

– Я работаю во сне, – говорил Яша. – И получаю за свои сны деньги. Учитесь, молодёжь.

Он действительно работал во сне, раз в трое суток, сторожем на овощебазе. Когда на исходе лета он просыпался в конце рабочего и начале светового дня, то открывал окно и в помещение на окраине города вливался мягкий августовский туман. Стояла такая тишина, что казалось задремал сам Всевышний... Яша поудобнее устраивался с кружкой горячего чая за столом и писал письма. По национальности он был немцем и переписывался с гражданами дружественной Германской Демократической республики. Словно Толстой «Войну и мир», он переписывал письма по восемь раз, поправляя каждый умляут над головами немецких букв. Если бы проводился чемпионат по художественной переписке, то Яша победил бы за явным преимуществом. Ни сочинения зачинателя жанра Эпикура, прославившегося посланиями к Менекею, ни одно из шестидесяти пяти писем Джонатана Свифта к Эстер Джонсон, ни карамзинские «Письма русского путешественника» не годились творениям безвестного миру сторожа овощебазы даже в постскриптумы. Образы в его посланиях получались выпуклыми и объёмными,

как в 3D-кино. И когда немцы читали эти послания в своих чистеньких игрушечных домиках, то над клеточками листов, вырванных из тетради, вырастали корабельные сосны, пробивая верхушками потолки комнат, в синих волнах чернил, вытекших ровной строкой из перьевой ручки, плескались осетры и стерлядь, а на мягких сгибах страниц спали утомлённые кострами и походами туристы-таёжники. Язык Яши был сочным, литературным, на таком в Германии последний раз разговаривал Гёте, и потому у немцев от восторга округлялись глаза. Они решили ехать в Сибирь.

Узнав об этом, Яша пришёл в ужас. За свои тридцать с небольшим лет за городом он бывал три или четыре раза, когда филфак института вывозили на сбор турнепса. Он даже в армии не служил из-за своих минус восьми диоптрий и толстых круглых стёкол, закрывших глаза ещё в пятом классе. Корабельную сосну он в последний раз видел на пятьдесят второй странице приключенческого романа. Пухленький как колобок, в узких светлых брючках, с галстуком, стекающим на круглый животик по разноцветью луга-рубашки, с пышной шевелюрой кудрявых волос и квадратными очками в роговой оправе, закрывающими половину лица – все свои письма про походы в тайгу он просто выдумывал. Но у Яши были друзья, а среди друзей – мастер по ремонту доменных печей Константин и обладатель моторной лодки рыбак Григорий.

– Немцы обязательно попросят отвезти их в лес! – срыва-

ясь на фальцет, заявил Яша Косте.

– Немцы потребуют осетров и туристов-таёжников! – чуть не плача, пожаловался он Грише.

– Выручайте!! – взмолился Яша, падая на колени под тяжестью ящика водки.

Это был русский немец, он умел убеждать.

Разработка плана операции под кодовым названием «Бибиха» заняла три дня. За Бибихой – посёлком на берегу Оби – было решено устроить недельный палаточный отдых. Костя и Гриша обеспечивали моторные лодки, палатки и рыболовные снасти, Яша закупал продукты и бензин.

– Всё будет на высшем уровне, – заверил Гриша. – Разве может их Германия сравниться с нашей Бибихой?

Он вырос в лесу и мог поймать рыбу голыми руками, но предпочитал бредень и закидушки. Десять лет его ловил Рыбнадзор, но удача раз за разом отворачивалась от Рыбнадзора. Гриша мастерил мебель, строил избы и клал печи. Наконец, он разговаривал по-немецки и умел готовить настоящую сибирскую уху.

Немцы прилетели на самолёте, были погружены в такси и отвезены из аэропорта на берег Оби. Там их, не дав переодеться и посмотреть город, загрузили в моторную лодку и увезли по реке на север. Со стороны это было похоже на тщательно спланированное похищение. Шли на трёх мо-

торках, тяжёло гружённых снедью, людьми и собаками. Одну лодку вёл Гриша, другую – его жена, третью – Костя.

– Посмотрите, какая река! – кричал Гриша, сближаясь с лодкой, на которой везли немцев. – Разве в Германии вы по такой реке поплывёте? Нет там таких рек!

Заботливо укутанные в долгополые брезентовые плащи поверх костюмов немцы сидели на дне лодки, прижавшись друг к другу и боязливо крутили головами по сторонам. Когда правый берег Оби вырос до размеров девятиэтажного дома, на крыше которого шумел, покачиваясь сосновый бор, из их глоток вырвался восторженный возглас людей, своими глазами увидевших чудо. Почвы в этих местах песчаные, и берег был жёлто-зелёным, словно стена замка, построенного из песка и поросшая кустарником. Но место, выбранное для отдыха, оказалось низким, с небольшой песчаной отмелью-пляжем, островом напротив и протокой, где можно поставить сети и рыбачить на закидушки.

– Чувствуете, какой воздух?! – спрашивал Гриша у помогавшим ему ставить палатку немцев. – Разве Германии вы такой воздух отыщете? Вы будете скучать по нему до самой смерти!

В первый же день радушная Обь подарила туристам двух стерлядок и ведро чебаков, которых в европейской части страны отчего-то именуют воблой. В наступающих вечерних сумерках ужинали ухой, запивая её водкой. На верёв-

ке над костром сушились мокрые вещи, впитывая в себя дым от сгорающего сушняка и запах дикой смородины. Яша рассказывал гостям, как следует охотиться на медведя. Те с опаской поглядывали по сторонам. В промежутках между охотничьими байками никогда не бывавшего на охоте Яши, поднимали тосты – за сибирскую природу и дружбу между народами. Сидели допоздна: сумерки сгустились и в небе одна за другой вспыхивали звёзды – прямо над головами, как всегда в это время в Сибири.

– Эх, товарищи-камереды! – воскликнул Гриша, разливая по последней. – Вечер-то какой, а? Разве бывают такие вечера в Германии? Костя, завари чайку! Нашего, сибирского, со смородинным листом!

– О, да, да! – оживились немцы. – Лесной сибирский чай!

Про особую таёжную заварку они знали из в Яшиных писем. Как-то отпаивая себя с похмелья крепким чефиром, он написал, что состав заварки сообщили спустившиеся с таинственной горы Beluha шаманы, чтобы жители тайги могли согревать души от злых северных ветров. И вот теперь, в далёкой Сибири, в глухом лесном углу, на берегу одной из величайших рек мира, немцы могли попробовать лесной сибирский чай сами. Костя, не знавший немецкого и оттого больше других в тот вечер налегавший на водку, пошатываясь, отправился с котелком по воду. В те далёкие годы воду для питья брали прямо из Оби, и никому не приходило в голову продавать и покупать её в магазине. По пути Костя нарвал

листьев дикой смородины. Котелок был водружен на костёр, в кипящую обскую воду высыпана пачка чая, сверху брошен ворох листьев, и через некоторое время вся компания пила горячий ароматный чай, причмокивая от удовольствия. Письма ли Яши тому виной или просто сильные впечатления и таёжный воздух, приятное опьянение или необычный привкус от смородинного листа, но лесной сибирский чай произвёл на немцев фантастическое впечатление. Они стали настойчиво просить рецепт.

– Заварка и листья смородины! – клялся через переводчика Костя. – Больше ничего!

Гости ему не верили.

– Натюрлих, это большой тайна! – многозначительно переглядываясь, произносили они на смеси немецкого с русским.

– Никакого натюрлиха! – горячо убеждал их Костя. – Только слоны и листья!

«Слонами» он называл популярный в те годы индийский чай с изображением трёх животных-гигантов на ярко-желтой упаковке.

Утром Константин проснулся раньше всех. Вылез из палатки, пробежался по выпавшей росе босиком до кустов и, вернувшись обратно, принялся одеваться. Вся одежда была на месте, кроме носков. Некоторое время он рылся в палатке, затем ходил вокруг, но потом вспомнил: вчера он промо-

чил ноги и повесил носки сушиться над костром на верёвку. На верёвке, однако, их не оказалось. Костя машинально приподнял крышку на котелке и...

— Натюрлих! — услышал он громкий возглас проснувшегося немца, вылезшего из палатки. — Вы что-то заворачивали в маленький тёмный тряпка.

— Никакого натюрлиха! — испуганно закричал Костя и с мокрыми носками бросился напролом через колючий кустарник, подальше от котелка с чаем.

— Стойте! — кричал ему в спину немец. — Я дам вам двести марок!

Увы, желанию этому не дано было исполниться. Вернувшись, Костя молчал, совершенно подавленный чувством вины. Его несколько дней лечили водкой, пока, наконец, он не обрел душевный покой, но провожать немцев в аэропорт всё-таки не поехал. Он уплыл по-английски, не прощаясь, рано утром, когда над Обью стоит полная тишина и кажется, что сам Всевышний задремал вместе с созданным им миром. Ни один заваренный в последующие дни чай не произвёл на немцев никакого впечатления. Они поднимали крышку, искали глазами «маленький тёмный тряпка» и не найдя, уныло отходили в сторону.

Настал последний день, гостей погрузили в лодки, довели до города, пересадили в такси и отвезли в аэропорт,

не снимая брезентовых плащей и изрядно помятых спортивных костюмов. Город они так и не увидели, зато на всю жизнь запомнили путешествие в настоящую сибирскую тайгу. Дома, в Германии, они часто вспоминали сибирский лесной чай и ностальгически цокали языками. Иногда, в слабой надежде обрести секрет вожаемого напитка, немцы слали Яше умоляющие письма, но он так и не прислал им этого простого рецепта: пачка индийского чая на котелок речной воды, листья смородины по вкусу и пара тёмных мужских носков не более одного дня носки.

ДЕЛО О КРАСНОМ НОСЕ

Казачка Фрося пятидесяти с небольшим лет была, как сказали бы сегодня, женщиной брутальной. В послевоенные годы говорили проще: базарной бабой. В ярком платке, кирзовых сапогах и платье в цветочек, целыми днями она стояла, облокотившись о прилавок, лузгала семечки и обсуждала с торговками-соседками проходящих мимо станичников. Длинная коса её, всё ещё тугая, как канат, и не тронутая сединой, спускалась по спине до самой поясицы, а зычный голос был слышен за версту: если Фрося открывала рот – в станице закрывали окна. Торговала она самодельными бумажными цветами, во всём похожими на хозяйку – большими, яркими и брутальными. Особенно неуместно эти жизнерадостные цветы смотрелись в гробах с покойниками, но именно для покойников их и покупали: станичники отправлялись в гости к Богу с весёлыми венками Ефросиньи. В очереди у ворот в рай остальные свежепреставившиеся смотрели на них с недоумением и отпускали неуместные моменту шуточки. Заслышав смех, апостол Пётр выглядывал в окошко приворотной башни и по венкам тотчас узнавал, откуда прибыли новобранцы.

Фрося была малограмотна, прижимиста и тщеславна. Но как и во всяком человеке, даже в самом дальнем прибли-

жении занятом искусством, жило в ней желание сотворить красоту. Такую, чтобы все вокруг ахнули и сказали:

– Ну Фрося! Ну талант!

О том, что исполнения некоторых желаний следует бояться, она и знать не знала.

Шёл второй или третий послевоенный год, когда руководителям учреждений спустили сверху директиву: на Первомай в станицу ожидается иностранная делегация, не ударьте в грязь лицом и наглядной агитацией. В учреждениях закипела работа. Директор одной из школ обратилась к цветочнице.

– Колонну украсить? – не сразу поняла та. – А кого хоронить будут?

– Да шо вы такое говорите, тётя Фрося! – ответила директор. – Никого хоронить не будут, это Первомай: к нам иностранцы приедут. Дети возьмут знамена и портреты и пойдут с ними на улицу. Но, – сразу решила расставить все точки над «и» учительница, – денег у нас немного.

Первый раз в жизни Ефросинья пропустила слова о деньгах мимо ушей. Она перекинула косу со спины на грудь и с волнением поинтересовалась:

– Портреты? Кого портреты?

– Как кого? – удивилась директор. – Сталина, Ленина, конечно.

– Я согласная на ваше немного! – заявила Фрося, не став

торговаться. – И знаешь, шо я вам зроблю? Я вам Сталина с Лениным из цветов зроблю!

Перед мысленным взором цветочницы её работы уже несли мимо трибуны с иностранцами. И кто-то самый главный – тихо, чтобы иностранцы не услышали и не увезли портреты за границу – приказывал помощнику:

– Немедленно выясните, кто это сделал! Отправьте работы в Москву! На выставку достижений народного хозяйства!

Две недели Ефросинья не появлялась на базаре – она трудилась не покладая рук и не разгибая спины. Она кушала один раз в день, не задумываясь, что ест. Она забыла про семечки и пересуды с соседками. Всю её от пятток и до макушки поглотили образы вождей социалистической революции. Даже бегая до ветру, она мысленно дорисовывала лысину одного и усы другого. Через две недели на демонстрацию вышла школьная колонна, неся перед собой два огромных цветочных портрета. Вожди получились узнаваемыми, только Владимир Ильич выглядел немного фиолетовым и хмурым, а Иосиф Виссарионович, наоборот, чересчур румяным и улыбчивым. Работы Ефросиньи пронесли мимо трибуны с иностранцами, и те с любопытством смотрели и хлопали в ладоши. Только «самый главный», стоя рядом с иностранцами, побледнел и тихо, чтобы не услышал никто из заграничной делегации, спросил помощника:

– Почему у Сталина нос красный? И у Ленина синий?

Немедленно выясните, кто это сделал!

Вскоре состоялся суд. Ефросинью доставили в зал заседания под конвоем: два крепких мужика едва сдерживали орущую торговку:

– Я за товарища Сталина под пулю пойду! – в отчаянии от своего положения кричала она. – Где это видано за портрет вождя рабочего чиловика судить?!

Умолкла торговка лишь через четверть часа под угрозой удаления в тюремную камеру. Зал был полон, цветочницу знала вся станица. Выслушав обстоятельства дела, судья задал Фросе вопрос:

– Кто Вас надоумил сделать товарищу Сталину красный нос?

Станичница Фрося пятидесяти с небольшим лет и девятидесяти с небольшим килограммов поднялась со своего места и зычным голосом, от которого сами собой захлопывались ставни, выпалила:

– А ты шо решаешь за товарища Сталина, как ему выглядеть?! Ты кто такой противу него?! Он шо не из простого народа? Он в праздник выпить права не имеет?!

И такой у неё в этот момент был отчаянный вид, такая убеждённость в праве Иосифа Виссарионовича накатить стаканчик красного в законный выходной, что зал не выдержал и громко, от души заржал. Смеялись все. Включая конвоиров и судью.

– А у товарища Ленина почему синий? – отсмеявшись, спросил судья.

– Простыл он! – ответила Фрося. – Не на тёплых скамьях штаны протирал, как некоторые, а в сибирской ссылке революцию готовил!

Удивительное дело!

Её оправдали.

За отсутствием состава преступления.

Наверное, Богу нравились жизнерадостные, весёлые венки, которые приносили к воротам рая покойные станичники.

Больше цветочных портретов Фрося никогда не делала. До самой смерти она торговала на базаре и умерла от сердечного приступа прямо в торговых рядах. Её похоронили вместе с непроданными цветами собственного изготовления. На громкий женский голос в приворотной башне отворилось окошко, и в него выглянул апостол Пётр. Некоторое время он размышлял, глядя на стоящую с венком женщину, а потом открыл ворота и произнёс:

– Заноси, Ефросинья.

НА ЧУЖОЙ ПЛАТОК

Когда картошка потеснила с нашего стола репу, никто не предполагал, что новый овощ полностью изменит русских людей. Но мы – то, что мы едим. Человек картошки Пушкин отправил язык народа репы в тартарары – к его великому латинскому собрату. Декабристы потребовали Конституцию, в России начали строить железные дороги, а царь Александр отпустил крестьян на свободу. Правда, Романовых это не спасло: картошка, в конце концов, свергла их династию, создала Советский Союз и полетела в космос.

Всё так бы и продолжалось, но на столах появилась колбаса, и прежняя страна быстро пришла в упадок. Человек колбасы Ельцин отправил картофельную империю в тартарары – к её великой римской сестре. Демократы расстреляли парламент, в России перестали строить железные дороги, а царь Борис пообещал всем столько свободы, сколько смогут разворовать.

Ну да я не о политике, я о картошке.

В прошлом веке картошка собирала на поля людей больше, чем футбольный чемпионат. Заводы и фабрики, школы и поликлиники, таксопарки и дома бытовых услуг дружны-

ми коллективами выезжали за город сажать, пропалывать, окучивать и убирать. В сентябре, когда осень ещё нежится в тёплых облетевших листьях, по всей стране людей отпускали с работы – на копку картофеля. Ни морковке, ни свекле, ни капусте собственный выходной не полагался.

Было мне лет восемь или девять, и жили мы тогда рядом с аэропортом Толмачево в тридцати километрах от Новосибирска. Посёлок Гражданского Воздушного Флота: трёх-четырёхэтажные кирпичные дома, магазин, почта, детсад, школа, дом культуры... Я до сих пор изредка гуляю по тем улочкам в своих снах. И посёлок представляется мне огромным – таким же, каким казался маленькому мальчику сорок лет назад.

Родители мои к Гражданскому Воздушному Флоту отношения не имели, и на работу ездили в город – с железнодорожной станции, расположенной в десяти минутах ходьбы от дома. Картошку они сажали вместе со своими рабочими коллективами, то есть за тридевять земель по другую сторону Новосибирска. Неудобно, особенно когда в семье нет личного автомобиля. Правда, имелась моторная лодка, но посёлок ГВФ сильно отличался от Венеции отсутствием каналов и, надо признать честно, в худшую сторону. «Хорошо этим венецианцам, – думал восьмилетний я, – они с картофельных полей на гондолах урожай вывозят». Родители

мои о Венеции не думали, они просто договорились с директором местной школы, коллективу которой выделялись участки под посадку неподалёку от железнодорожной станции. До поля можно было, не торопясь, дойти за четверть часа, а будущий урожай перевезти в подвал дома (где у каждой квартиры была личная кабинка) на купленной по такому случаю тележке.

Как мы ухаживали в то лето за своей делянкой! Кусты окучивали так аккуратно, что форме холмиков позавидовали бы строители пирамид. Едва мы появлялись по вечерам из-за железной дороги с тяпками, как у местных сорняков листья вставали дыбом от ужаса. А когда наша картошка зацвела, самая распоследняя муха посёлка горько пожалела, что не родилась пчелой. И вот наступил долгожданный сентябрь, и в законный картофельный выходной дружный коллектив школы отправился копать урожай. Вместе с учителями шагала и наша семья, катя перед собой тележку с вилами, ведром и мешками. Тележка грохотала колёсами о кочки, ехидно поскрипывая. И не зря: наша делянка... была кем-то выкопана.

Наши трудовые десанты, вечера и выходные, мозоли на руках – всё оказалось зря. Мы стояли с ненужными вилами в руках, совершенно растерянные, и молча смотрели как по комьям вывороченной земли уныло ползал жёлтый про-

волочник, не находя себе пропитания. Учителя оказались людьми отзывчивыми: они решили скинуться по одному-два ведра со своих делянок. Увы, когда начали копать, оказалось, что бедная земля и жирные личинки-вредители оставили от урожая всего-ничего.

Зато на краю поля неожиданно обнаружился ничейный участок с чахлой картофельной ботвой, который никто не признал своим. Нога человека не ступала в эти джунгли с весны: трава на участке вымахала такой высокой, что скрывала человека с головой.

– А вы берите и копайте здесь! Хоть что-то найдется... – предложил директор. – Не стесняйтесь: видите, кто-то посадил и бросил. Даже окучивать не пришел.

Первый же выкопанный куст поверг нас в полное недоумение огромными размерами картофелин. Это были картофелины-сумоисты, картофелины-великаны, картофелины-титаники – свежие, упругие и без единой червоточки. Таким же оказался и следующий куст, и следующий... Когда закончились привезённые на тележке мешки, уже мы начали делиться урожаем с учителями.

А через пару дней директор попросил меня передать родителям, чтобы зашли в школу.

– Ты что-нибудь натворил? – с надеждой спросила меня

мама.

– Нет! —ответил я.

– Худо дело, – расстроилась она.

С тяжёлыми предчувствиями родители отправились на эту встречу. Тёмно-красное кирпичное здание школы безразлично проглотило их и громко щёлкнуло зубом-дверью – в те давние времена принято было привязывать двери к домам злыми толстыми пружинами. Директор ждал в кабинете.

– Тут вот какое дело, – пригласив присесть, сообщил он. – Стало известно, кто картофель на вашем участке выкопал.

– И кто же? – осторожно спросил мой отчим.

– Понимаете... – замялся директор, прохаживаясь перед родителями по кабинету. – В общем, физрук это наш, имя-отчество вы знаете. Собственно говоря, его личной вины нет: поручил ухаживать за картошкой сыновьям, а они раз не пошли, два не пошли – так ни разу за лето на поле не были. Он их копать посылает, а там картошки-то на участке не видно – сами знаете. Пацаны, чтоб ремня не получить, взяли и первый приглянувшийся участок выкопали.

Директор остановился напротив родителей и изучающе посмотрел на их лица.

– Что делать-то будем? – спросил он.

– Да чего тут делать? – отмахнулся отчим. – Всяко в жизни бывает, мы же понимаем.

– Мы претензий не имеем, – присоединилась мама. – Мальчишкам уже, наверное, и попало за это дело. Какой уро-

жай-то хоть был?

— Да проволочник почти всё погрыз, как и у остальных... — директор снова отправился в путешествие по кабинету, давая тем самым понять, что не всё ещё сказал. Странная это была манера разговора, но, говорят, у каждого она своя. Как отпечатки пальцев. На обратном пути от дальней стены, на которой висела карта СССР, к собственному столу и стульям для посетителей, он продолжил:

— Дело-то не в том, что у вас нет претензий! Физрук наш, имя-отчество вы знаете, требует, чтобы вы вернули урожай с его участка!

И медленно добавил, глядя на вытянувшиеся лица родителей:

— А он вам ваш вернёт...

ТОЛЬКО ДО «САДА МИЧУРИНЦЕВ»!

– Только до «Сада Мичуринцев»! – простуженным голо-
сом кричала кондуктор. – Идём только до «Сада Мичурин-
цев»!

Рыжая толстушка маленького роста, в своей «дутой»
куртке-пуховике она напоминала закатившийся в трамвай
шар из кегельбана.

– На перекрёстке с Карлой Либнехтой авария! Только
до кольца! – выкрикивала она.

Город постепенно съедает моё детство. На старом трам-
вайном кольце уже не работает диспетчерская, и вагоново-
жатые теперь не отмечают здесь, разминая ноги и выкури-
вая по дороге сигарету, а над Диким сквериком у студенче-
ской общаги нависла красномордая кирпичная многоэтаж-
ка. Но в центре кольца под невысоким и тонким сибирским
клёном по-прежнему стоит крошечная будка. Ранним зим-
ним утром её окна светятся в темноте – в детстве она ка-
залась мне жилищем лесного эльфа, оставшегося охранять
последнее дерево вырубленного людьми леса. Повзрослев, я
узнал, что там обитает обходчик трамвайного кольца. Впро-
чем, и теперь, несмотря на свой без малого полтинник, я нет-

нет да засомневаюсь: а вдруг это эльф притворяется путевым обходчиком?

Весной прошлого года между кольцом и автодорогой появилась баня для машин – квадратный ангар автомойки. Напротив будки обходчика летом выставляется треугольная металлическая конструкция, а через неё перекидывается огромный яркий ковёр. Рядом поставлен деревянный стул с высокой спинкой, на котором время от времени сидит пожилой смуглый узбек – скорее всего, хозяин автомойки. Он пьёт из пиалы горячий чай и смотрит на текущий мимо поток машин. Поначалу я думал, что ковёр вывешивают сушиться, но это повторялось изо дня в день, и я понял. Конструкция с ковром имитирует стену родного дома! Деталь привычного пейзажа, без которого хозяину одиноко и тоскливо в чужой северной стране. Разве мир может быть без ковра? Да и во-все не узбек это, а восточный джинн, поселившийся рядом с эльфом.

Минувшей осенью один из киосков, прилепившихся к трамвайной остановке у кольца, заняла и вовсе необычная женщина. Возвращаясь затемно с работы, можно было увидеть за ярко освещенным окном полногрудую восточную женщину со швейной машинкой, предлагающую услуги швеи. Те, кто помнит предводительницу разбойников из мультфильма «Бременские музыканты», могут предста-

вить себе эту красавицу как наяву. Жаль, но очень скоро женщина-джинн исчезла. То ли люди предпочитали шить сами, то ли обращались в ателье, а может, с детства были напуганы мультиком. Подростком я обязательно бы придумал, что это колдунья: её магическая швейная машинка строчит знаки-заклинания на принесенных брюках и юбках, и их хозяева превращаются в послушных свинок, как в той истории про Одиссея и Цирцею.

Чего абсолютно не жаль, так это утраченной сказочности Дикого скверика. Ещё лет пятнадцать назад там водились настоящие лесные разбойники, грабившие идущих от остановки людей. Одна моя знакомая рассказывала, как у неё вырывали из рук сумочку. Это случилось зимой, и перетягивая сумочку, словно спортсмены канат, девушка и разбойник рядышком шлёпнулись на скользкую дорожку. Сумочка раскрылась, из неё высыпалось всё содержимое, в том числе и кошелёк, подаренный давним воздыхателем.

– Можешь взять все деньги! – заявила девушка. – Только кошелёк оставь, это подарок!

– Хорошо! – ответил благородный разбойник и оставил ей кошелек. И ещё (как истинный джентльмен) подал руку и помог подняться. «Если бы он поменьше грабил прохожих, – мечтательно вздохнула моя знакомая, – я бы вышла за него замуж!» В тот самый момент она случайно была не замужем.

Трамвай довёз меня и остальных пассажиров до кольца и остановился. Из кабины показалась вагоновожатая с увесистой монтировкой и направилась переводить стрелки. Вслед за ней на улицу повалили пассажиры. Дорога впереди была свободна, и я направился «за три остановки» по замеченным снегом трамвайным рельсам. Может быть, сказочное настроение, навеянное воспоминаниями, было тому причиной, но я решил, что просто обязан предупредить по пути всех ожидающих трамвая.

– На перекрёстке с Карлом Либкнехтом авария! – громко оповестил я, подойдя к первой остановке. – Трамваи не ходят!

Вздыхая, люди стали расходиться, и часть из них увязалась за мной.

– Трамваи не ходят из-за столкновения! – прокричал я на второй остановке. – Не ждите, авария!

И ещё одна часть людей увязалась за мной. Так мы и шли по рельсам: впереди бодро шагал я, а позади ковыляло человек пятнадцать стариков, пенсионеров и инвалидов, которым некуда больше податься: в маршрутку или автобус в час пик влезть сложно. На какое-то время я почувствовал себя предводителем санкюлотов, что идут штурмовать высокие каменные стены Бастилии. Старики за спиной скрипели клюками о снег и громко ругали короля.

– Трамваи не ходят! – сообщил я ожидавшим на третьей остановке. – Расходитесь, товарищи, расходитесь!

– Как это не ходят? – возмутился кто-то из них. – А это что?

Я обернулся и с ужасом увидел, как перед догоняющим меня трамваем разбегаются в сторону старики, пенсионеры и инвалиды. Тротуара там не было, и, делая шаг в сторону, они утопали в глубоком сугробе кто по колено, а кто по пояс. Не дожидаясь их праведного гнева, я свернул к перекрёстку и грубо нарушил правила дорожного движения, перебежав дорогу на красный свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.